

МАГИЯ ЗЕРО

Евгения

Овчинникова

КомпасГид
издательский дом

Евгения Овчинникова

Магия Зеро

ИД "КомпасГид"

2019

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Овчинникова Е. С.

Магия Зеро / Е. С. Овчинникова — ИД "КомпасГид", 2019

ISBN 978-5-00083-702-3

«Zero enigmatico» — кричала афиша. «Zero misterioso» — вторила другая. «Spettacolo unico!» — третья, четвёртая, пятая... Шоу иллюзиониста Зеро гремят по всей Италии! Один такой вечер «уникальной, загадочной, таинственной» магии сделал каникулы 15-летних Нины, Вани и Насти незабываемыми. В самом пугающем смысле этого слова. Целый год Нина провела на Сицилии, вдали от родного Петербурга — её семье пришлось перебраться сюда, скрываясь от преследования. Переезд изменил Нину: она больше не видит в прохожих динозавров (теперь есть монстры с щупальцами!), общается с лучшими друзьями лишь по интернету (пока те не приезжают в гости!), а главное — не рисует (только в своём воображении!). Что-то мучит её, какая-то незакрытая история из прошлой жизни — история, связанная с родителями. Евгения Овчинникова продолжает детективную трилогию о талантливой, находчивой, но не слишком уверенной в себе Нине. Как и в книге «Иди и возвращайся», в центре событий в «Магии Зеро» не столько преступление, сколько развитие взаимоотношений главных и второстепенных героев. Теперь — в международном масштабе и с пристальным вниманием к прогрессивной науке. Трёхкратный финалист премии «Книгуру», в жюри которой — читатели-подростки, Евгения Овчинникова (родилась в 1983 году) дебютировала в издательстве «КомпасГид» со сборником рассказов «Мортал комбат и другие девяностые». Психологический детектив «Магия Зеро» увлечет читателей среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00083-702-3

© Овчинникова Е. С., 2019

© ИД "КомпасГид", 2019

Содержание

Из будущего	7
Глава 1,	8
Глава 2,	12
Глава 3,	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Евгения Овчинникова
Магия Зеро
Роман

* * *

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Овчинникова Е. С., текст, 2019

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2019

Из будущего

Корабль пытался вырваться, но нарисованная реальность не отпускала его.

– Я спасу тебя, – прошептала я, взяла книгу с прилавка и прижала ее к груди.

– Prego, signorina?¹ – из магазина выглянул продавец.

Его тень угрожающе вытянулась в мою сторону и вдруг выпустила щупальца. Тени-щупальца потрогали витрину, стопки книг и потянулись ко мне. Я попятилась.

Продавец выскочил из магазина и закричал, на его крик сбежались другие продавцы и покупатели – все смотрели на меня.

Люди и тени-щупальца окружают. Они хотят растерзать, разорвать. Вот щупальца поднимаются по моим ногам, я отпрыгиваю и стряхиваю их.

В толпе показался человек в полицейской фуражке.

– Беги, – говорит внутренний голос.

Я крепко прижимаю книгу, разворачиваюсь и бегу, близнецы – следом за мной.

До следующего квартала за нами несутся человек пять из всей толпы, впереди – хозяин книжного. До второго поворота – только полицейский, но его щупальца тянутся ко мне и вот-вот достанут. Полицейский постепенно отстает, он непрерывно кричит на итальянском, и я думаю, что убегаю с чистой совестью, ведь я не говорю по-итальянски.

Мы мчимся, поворачиваем с одной улицы на другую, со второй на третью. Налево – у кадки с засохшей пальмой, направо – у открытого уличного бара, распугиваем посетителей, которые пьют эспрессо у мраморной стойки. Потом, тяжело дыша, останавливаемся, и я понимаю, что остановилась одна, близнецов рядом нет.

В ужасе несусь обратно, одна улица сменяет другую, они все одинаковые: двухэтажные домики, голубые и белые двери, кошки, пальмы, фикусы, звуки телевизоров, – пока не попадаюсь на глаза хозяину книжного магазинчика. Он кричит ругательства и трясет кулаками в воздухе, я снова прячусь в городском лабиринте. Из последних сил бегу и на очередном повороте налетаю на фонарный столб. Со всего размаху ударяюсь лбом. Меня швыряет назад, и я падаю спиной на мостовую. Перед глазами пляшут черные точки, голова звенит от боли. Теряю сознание, успевая увидеть двух склонившихся надо мной мужчин.

¹ Слушаю, синьорина? (итал.)

Глава 1, в которой мы оказываемся на острове Ортиджия

Шепотом:

– Втыкай прямо в центр.

Возня и сопение.

– Не держится.

– Руки кривые!

– Не кривые у меня руки, это кекс такой!

Опять сопение.

Я посмотрела на телефон – половина десятого. Сквозь окно в келью било солнце, жарило прямо у меня над головой. Потянулась, почесала шею.

Келья – комнатка три на два с половиной метра. Кровать, шкаф. У стены – пластиковый стол, как в уличном кафе. Складной стул сложен и стоит в зазоре между стеной и кроватью. Свободного места – узкая полоска между кроватью и шкафом, не развернуться. Потемневшие обои с корзинами роз. Поверх них – мои старые рисунки с чудовищами.

– Зажигай, – раздалось из-за двери, и через секунду чиркнула спичка.

– Идем, пока не сгорела.

И в ту же секунду родители постучали в дверь.

– Войдите, – ответила я сонным голосом.

Они вошли по очереди. Мама села на постель, папа прислонился к шкафу. В руках у него была тарелка с истыканным шоколадным маффином (если бы у маффина была кровь, он бы ею истекал), из которого торчала свечка с цифрой «1». Я сделала вид, что удивлена и обрадована.

– Задувай, – сказала мама.

Они оба счастливо улыбались. Я задула.

– А по какому, собственно, поводу?

– Год воссоединения семьи! Поздравляем, солнышко. Ровно год назад мы смылись из Питера с одними паспортами! Весело было, да?

Они набросились на меня и стали тискать.

– У нас есть подарок. Мы уезжаем в Ното. На неделю. Повеселитесь без нас.

Вот это было действительно неожиданно.

– А тебе – вот, – папа протянул мне две бумажки по сто евро.

– Если есть пасту аль помodoro², то прожить можно, – беззаботно сообщила мама. – Курица дешевле всего, и не ешь слишком много прошутто³, а то опять схватит желудок. Холодильник мы забили, – она кивнула в сторону кряхтящего посреди гостиной холодильника. – Обязательно сходите в Греческий театр⁴. Держи телефон включенным, я буду писать и звонить. Иногда.

– Когда вы уезжаете? – спросила я, потому что мама набирала воздуха для очередной порции советов.

– Прямо сейчас, – ответил папа.

– Нам пора, – сказала мама, поднимаясь с кровати.

– На какие деньги?

² Макароны с томатным соусом, национальное итальянское блюдо. (Здесь и далее – примеч. ред.).

³ Итальянская ветчина, сделанная из окорока, натёртого солью.

⁴ Греческий театр в Сиракузах (Teatro greco di Siracusa) – хорошо сохранившийся античный театр, архитектурная достопримечательность города Сиракузы. В отличие от круглого амфитеатра, ряды каменных сидений в Греческом театре поднимаются от сцены полукругом. С 2010 года Греческий театр в Сиракузах используется для летних шоу и мероприятий.

– Жить будем у моих друзей. Едем на автобусе. Так и будем, – ответила мама. – И кофе не пей, поняла? Кофеварку можешь не искать, я ее спрятала.

Я посмотрела на папу, но он только пожал плечами, как бы говоря, что ничем помочь не может.

Мы переместились в соседнюю комнату. Папа подхватил небольшую сумку с вещами, взял маму за руку, и они вышли из гостиной прямо на улицу. Именно так: двери крошечной гостиной вели на улочку шириной в два метра. Единственное окно располагалось прямо напротив окна соседей. Они – бабушка и трое внуков – тут же выглянули и стали смотреть, как родители уходят вдоль по улочке, оборачиваются на углу, посылают воздушные поцелуи и исчезают окончательно и бесповоротно. Больше глазеть было не на что, и соседи скрылись в гостиной. Сквозь щели в их двери я видела диван, ковер на полу, разбросанные игрушки и включенный телевизор.

Я несколько секунд постояла на пороге, потом вошла в гостиную и закрыла дверь. Залезла под кровать в своей комнате, отодвинула сваленные в беспорядке вещи и у самой стены нащупала что нужно. Вытащила пачку кофе и маленькую гейзерную кофеварку, сдула с нее пыль.

– Нашлись тоже прятальщики.

Когда год назад наш самолет приземлился в Катании, я думала, что нас ждет сплошная романтика, что мы будем переезжать из одной страны в другую, не задерживаясь на месте дольше недели, думала, что будут погони, анонимные ночевки в придорожных мотелях. Но этого не случилось. После того как результаты маминих исследований попали в газеты, директор научного института и несколько помогавших ему коллег попали под следствие и были посажены под домашний арест. Враги стали нам больше не страшны, мама после трех лет отсутствия снова была с нами, и мы могли спокойно жить дальше. Хотя родители все-таки опасались возвращаться в Петербург.

Первого сентября я пошла в свою гимназию в Питере заочно. Для меня составили план индивидуального обучения с занятиями и промежуточными аттестациями. Я должна была сама изучать предметы и иногда сдавать контрольные. Но Настя и Ваня, близнецы, мои лучшие друзья с яслей, придумали, как сделать мою жизнь веселее. Они каждый день брали меня на уроки. «Взять с собой Нину» означало принести смартфон со включенной видеосвязью и установить его так, чтобы я могла видеть учителя и доску. С близнецами я «ходила» на их курсы и кружки и обогатилась знаниями по математике и истории феминизма в России.

В жаре Сицилии не хотелось ничего делать. Только лежать в гостиной и пялиться в телевизор, не понимая ни единого слова. Но мама не дала расслабиться. Она взялась за меня всерьез. Первое, что она сделала, – пришла в ужас от моих годовых оценок в школе. Потом она пришла в ужас от моих чудовищ на рисунках. А еще она пришла в ужас от моего английского, моей физподготовки (я не смогла проплыть в море и ста метров), от моей одежды и прически, от того, что я бросила ушу, не умею готовить и пью по пять чашек кофе в день.

– Павел, куда ты смотрел?! – она в волнении ходила туда-обратно по нашей первой квартире в Катании.

Папа пожимал плечами. Ему было не до этого. Директор его фирмы согласилась, чтобы он временно поработал на удаленке. Но оказалось, что папиной зарплаты, нормальной для Петербурга, не хватает, чтобы жить на Сицилии так, как мы привыкли. Сначала мы снимали две комнаты на окраине Катании. Потом папа нашел отличный вариант – отдельную квартирку в Сиракузах. Она находилась в старой части города, разместившейся на маленьком островке, Ортиджии.

– Смотрите, смотрите, – он показывал нам фото на экране ноута. – Какая романтика! Остров! Настоящий исторический центр! Ковер на стене! Гостиная выходит прямо на улицу! И вайфай есть. Но главное – в три раза дешевле!

Фотографии выглядели заманчиво, поэтому мы выслали арендодателю предоплату, собрали две небольшие сумки с вещами и приехали в Сиракузы. Едва попав на остров, мы сразу поняли, почему квартира стоила в три раза дешевле. Старый город оказался нагромождением двухэтажных домиков с узкими улочками между ними – огромной итальянской коммуналкой, где в микроскопических двориках сидели старухи в черном, из окон выглядывали полуголые дети, на подоконниках лежали разморенные жарой кошки. На протянутых между окнами веревках сушилось белье. В нос тут же ударил запах помоев, кошек, разваренной пасты. Впрочем, не весь остров был таким. Тут же, буквально в двух шагах, находился парадный туристический центр: площади, соборы, респектабельные отели.

Родители, в ужасе от собственной недалёковидности, молча пробирались к месту назначения. На домах не было номеров, только изредка встречались потрепанные таблички с названиями улиц. Наконец мы нашли нужную улочку и сразу же попали под пристальный осмотр местных старушек и детей.

Хозяин квартиры, не замечая растерянности родителей, показывал комнаты, импровизированную кухню прямо в гостиной и крошечный туалет. Душ нависал в полуметре от унитаза, и папа спросил, почему нет занавески.

– Слишком мало места, – пояснил хозяин на едва понятном английском. И показал пальцем в пол. – Вода стекать вот сюда, потом дверь в туалет открыть, чтобы быть... быть... быть... – он вспоминал нужное слово, – сухой.

Позже мы пробовали повесить занавеску, но вода, как и говорил владелец, пробивалась через пластик, и ванная была мокрой.

– Ценного в доме не быть, не иметь, а то исчезнуть, – Винченцо закатил глаза.

– У вас есть какая-нибудь посуда? – спросила мама.

– Конечно! Есть все, в чем вы нуждаться! – с готовностью отозвался хозяин.

– Ну, это вряд ли, – прокомментировал папа по-русски.

Винченцо открыл буфет и показал маме несколько тарелок, разномастные кружки и кастрюли, покрытые слоем жира. Мама поморщилась.

Прощаясь с хозяином, мы увидели, что с порога дома напротив на нас с любопытством смотрят дети и бабушка. Папа вежливо улыбнулся, закрыл двери и опустил крючок. Повернулся к нам.

– Переехать сможем со следующей зарплаты, через месяц.

Мы с мамой закивали.

Но потом оказалось, что платить за квартиру в три раза меньше – очень приятно. Оставались деньги на более-менее нормальную еду, одежду, на поездки в соседние города и ежемесячные семейные походы в ресторан. Оказалось, что по сравнению с соседними улочками наша не такая уж узкая, а соседи хоть и многочисленны, но довольно тихие по итальянским меркам. И мы остались в Ортиджии.

Мама нервничала, потому что никак не могла сдать отчетность по гранту, который позволил ей, как шутил папа, «партизанить три года в Ленобласти» – то есть скрываться и тайно проводить исследования, чтобы оспорить результаты, подтасованные директором ее НИИ, и остановить выпуск вредного лекарства.

– Говорят, что не могут зачесть расходы последней недели. Но должны же мы были на что-то приехать! – сердито рассказывала она, в очередной раз вернувшись из университета Катании. – Чертовы бюрократы, из-за трех тысяч удавятся. Зато везде написали, что действующее вещество проходит последние испытания! И моя фамилия – последняя в списке!

История с грантом тянулась и тянулась, из-за нее маму не брали преподавать ни в один университет. Она не могла устроиться даже лаборантом.

– Бюрократия побеждает науку, – сказала она и стала искать подработку. Иногда были заказы на перевод диссертаций или научных статей для журналов. Когда заказов не было, она

сидела за ноутбуком. Я заглядывала ей через плечо: университеты Торонто, Токио, Филадельфии, научные кафедры и много непонятных слов.

Денег все равно не хватало. Мы научились пользоваться бесплатной прачечной, ходить по музеям в бесплатные дни, записываться на бесплатные приемы к врачам и собирать опунции⁵ у моря, чтобы не покупать их в супермаркете.

Море! Оно окружало наш островок – живое, настоящее, синее. До набережной было всего двести метров, а до пляжа – километр. Я ходила к морю каждый день после уроков. Темно-синее, почти черное у горизонта, оно светлело и становилось пронзительно-лазурным у берега.

Вездесущее итальянское солнце проникало в самые закрытые уголки и жарило даже зимой. Мне требовалось несколько слоев солнцезащитного крема и широкополая шляпа, чтобы не сгорать. Но мама радовалась жаре, теплые вещи тут были не нужны. Она принарядилась сама и накупила мне десяток платьев на распродажах.

– Приведем в порядок волосы, купим еще кое-какую одежду, подтянем английский, и все будет хорошо, – задумчиво говорила она, расчесывая мои длинные волосы.

Она взвешивала их на ладони, перебирала, подносила к глазам. Я смотрела на наше отражение в зеркале: подросток и худая женщина в белом. Тогда мне впервые пришло в голову, что она не имеет никакого права после трехлетнего отсутствия вот так распоряжаться моими волосами и говорить, что мне лучше изучать – рисунок или английский, но промолчала. Эти мысли появлялись каждый раз, когда она слишком уж откровенно говорила, куда мне следует ходить и что делать. Но в первое время я была как во сне от ее неожиданного возвращения, а потом протестовать было уже поздно. Она снова подмяла нас под себя. Снова мы делали и говорили то, что она хотела. Точно как до ее исчезновения.

Сочная солнечная Сицилия не давала впасть в уныние, как это обязательно случилось бы в Питере. Едва я погружалась в него, кто-то из родителей просил меня сбегать в магазин или на почту. За узкими улочками Старого города было дышащее одновременно свежестью и жаром море, соборная площадь, лоток с замороженным йогуртом, у которого всегда стояла очередь. Загорелые люди спешили по делам или сидели на скамейках в тени фикусов. В тени настоящих, а не комнатных фикусов – раскидистых деревьев с листьями размером с большую ладонь и толщиной с нее же. Нищие, сидящие у супермаркетов с баночками для мелочи, выглядели счастливо и дружелюбно.

– Ciao, bella!⁶ – восклицали они, когда я входила или выходила в стеклянные двери.

Сегодня до двенадцати я была свободна. Выпила кофе, полистала ленты соцсетей, поставила несколько лайков, в том числе – маме, которая зачехлилась в кофейне «Красный жеребец» возле автовокзала (селфи родителей, щурятся от солнца). У поста было больше тысячи лайков, хотя не прошло и часа, как она его опубликовала.

Заглянула в холодильник. Там стояли йогурты, молоко, несколько пачек тортеллини (все с овощной начинкой), вчерашний суп в кастрюльке, в дальнем углу – несколько кусков подсушенной ветчины на блюде. Позаботились, нечего сказать.

Я взяла блюдо с ветчиной, искала в шкафу еще что-нибудь съедобное. Среди бутылок с соусами и оливковым маслом нашла открытую и наполовину опустошенную коробку с грибочками: песочная ножка и шоколадная шляпка. Посмотрела на часы, взяла ноутбук, села с ним на диван и запустила скайп. Пока крутилось колесико загрузки, успела сжевать всю ветчину, но едва поднесла ко рту пару грибочков, как на экране появилась Вера.

⁵ Кактус со съедобными плодами. Имеет кисло-сладкий вкус.

⁶ Чао, белла! Привет, красотка! (*итал.*)

Глава 2, короткая, в которой читатель попадает на самый настоящий прием психолога

- Привет, дорогая. Меня слышно?
- Да, а меня?
- Слышно. Подожди, налью себе чаю.

Она исчезла из кадра, и до того, как снова появилась с кружкой в руках, я успела съесть горсть грибочков.

- На чем остановились позавчера? – спросила она и отпила из кружки.

Сегодня ногти у нее были темно-вишневые. На правой руке – браслет, десяток широких и плоских серебряных цепочек с кучей разных висюлек: рыбки, морские коньки, зайчики, сердечки. Вся эта мимимишная масса тихо брякала, когда подвески ударялись друг о друга. Я не отвечала на вопрос и продолжала с удовольствием ее разглядывать. Идеальный макияж – будто его и нет. Правый висок выбрит, темно-каштановые волосы откинута на левую сторону. Я могла любоваться ею бесконечно. Каждый раз был новый маникюр или новая блузка, сегодня – новая стрижка.

– Не помню, – наконец ответила я, на самом деле для того, чтобы не продолжать прошлый скучный разговор. – Сегодня начались каникулы.

- Оу. Будешь отдыхать?
- Да. А родители уехали в Ното. На неделю.
- Ого. Не побоялись оставить тебя?

Я подумала.

- А чего бояться? Они всегда так делали.

Вера подняла голову и нахмурилась. Я продолжила:

- Это же Сицилия, тут не страшно.

Вера, одна из многочисленных маминых подруг, согласилась взять меня за символические деньги. По маминым словам, ребенок после травмы (то есть я) обязательно должен пройти курс у психолога. Разговоры с Верой по скайпу казались мне бессмысленными: час она задавала вопросы, а я рассказывала, что происходит или происходило в прошлом, отвечала на «и что ты тогда почувствовала?» или «что ты чувствуешь?». После сеансов, которые должны были улучшить мое эмоциональное самочувствие, в голове оставалась только пустота и звуки моря в непогоду – шум волн, гремящий ветер, стук тяжелых фикусовых листьев.

Но я любила смотреть на нее, любила ее уверенные движения и внимательный взгляд.

– И все-таки вернемся к вопросу, который обсуждали в прошлый раз, – Вера снова отпила чаю и заложила за ухо выбившуюся прядку. Я называла ее Верой и говорила «ты», хотя она была одного возраста с родителями. – Как отношения с папой?

Я подумала.

– Кажется, такие же, как прежде. Он ведет себя, как будто ничего не было. Они оба ведут себя, как будто приехали в отпуск, – я начала волноваться, потому что чувствовала, по всей видимости, «О» – обиду. Она поднималась во мне, как бушующее море, но я усилием воли вернула его в берега, хмурое и беспокойное.

- И что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что она нас бросила на три года. Потом вернулась, а он просто так это проглотил.

- А ты?

- И я тоже.

Она снова отпила из кружки. Звякнул сообщением телефон, лежавший за пределами камеры. Она прочитала и улыбнулась.

– И что ты чувствуешь по этому поводу?

Я начала раздражаться. С недавних пор на этом вопросе мне хотелось захлопнуть ноутбук.

– Ну-у-у... Мне кажется, когда она такое устроила, он мог бы...

– Я спросила, что ты чувствуешь.

Я замолчала – снова шум волн и «Р», раздражение.

– Раздражение.

– Раздражение на что?

– Что он такой, – я хотела сказать много обидных слов: «тряпка», «слабак» или что-то похуже, но сказала: – Мягкий. И что мы снова делаем все, что она нам говорит.

– Хм... – Вера прочитала еще одно сообщение. К моему раздражению прибавилась «Т» – тоска. – Это называется эмоциональный перенос. Ты переносишь свою обиду на отца, хотя изначально она направлена на Сашу... эээ... то есть на твою маму.

– И что с этим делать?

Она ответила, что мы, то есть я и она, будем это «прорабатывать» и направим мою обиду «в правильное русло».

– Шутить с этим нельзя, – сказала она, – мало ли какие побочки⁷ ты словишь от вытесненной ненависти.

– Какие, например? – полюбопытствовала я. Побочки могли оказаться интереснее наших с ней сеансов.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – уклончиво ответила Вера. Она гипнотизировала меня, глядя в глаза из своего кабинета на Петроградке⁸. – Но если ты почувствуешь какие-то изменения, неважно какие, любые изменения состояния, не стесняйся – звони или пиши мне в любое время, хорошо?

– Угу.

Я украдкой вздохнула и посмотрела на часы в правом верхнем углу. Оставалось еще сорок пять минут, целых полжизни.

Мы обсудили отношения родителей (они, говорит Вера, не твое дело), нашу семейную жизнь и финансовую ситуацию, мамину известность и что я чувствую – по каждому из этих поводов. Час наконец-то подошел к концу. Я с облегчением закрыла ноутбук и высыпала в рот горсть грибочков. Посидела с закрытыми глазами, успокаивая свои «О» и «Р». Они становились все меньше, и когда стали крошечными, я мысленно взяла щетку и вымела их на улицу.

После маминого исчезновения, все годы, пока мы с папой жили вдвоем, я была в такой глубокой заморозке, что ничего не ощущала. Чтобы справиться с пустотой, я начала рисовать, по крайней мере, так говорит Вера. На моих рисунках у людей были головы вымерших миллионы лет назад рептилий – кронозавров, архонов, плезиозавров. Краски были серыми и черными, мир вокруг – безразлично-отстраненным. Когда она вернулась, мир снова обрел цвета, запахи. Доисторические чудовища исчезли, их заменили рыбки и теплое синее море. Но вместе с мамой ко мне вернулись чувства, которые смели, оглушили меня: обида, злость, любовь и многие другие, о которых я почти забыла за три года ее отсутствия. Они были как незнакомые слова из книжки: тоска, возмущение, гнев, смятение, счастье. Я металась между их избытком, каждый день решая то обойтись без них, то дать им волю.

⁷ Побочные эффекты, то есть нежелательные явления, возникающие в организме от действия лекарств. Здесь употреблено в широком смысле – непредвиденные результаты.

⁸ Исторический район Санкт-Петербурга.

После нескольких сеансов, на которых мы пытались выяснить, что я чувствую по тому или иному поводу, Вера сделала для меня «таблицу эмоций». В ней было 158 пронумерованных пунктов: чувства в алфавитном порядке и их краткое описание мелким шрифтом. Приходилось подносить распечатанную копию близко к глазам, чтобы разобрать описание. Каждый раз, когда я испытывала непонятную мне эмоцию, я доставала листы и сверялась с таблицей. Но пока вчитывалась в мелкие буквы, забывала, что ощущала на самом деле. Это почти всегда происходило между «Д» – досадой и «З» – завистью. Таблица не помогала, только вызывала «Р» – раздражение.

– Но теперь ты хотя бы можешь точно определить, раздражение это или нет, – оптимистично говорила Вера.

Я немного посидела, разгоняя последние мелкие «С», «З» и «А». Потом собрала волосы в хвост, надела первое попавшееся платье, привычно взяла рюкзак с болтавшимися в нем бумагой и карандашами и вышла из дома. Бабулек и детей не было – в это время жители уходят на сиесту⁹. По пустым улицам вышла к морю. Набережная в этом месте без спуска к воде, слишком опасны волны, слишком сильно они ударяются о камни, обрызгивая редких туристов. За горизонтом, в голубой дали били хвостами гигантские киты, рогатые корабли заходили в гавани, чтобы пополнить запасы пищи и воды. Я присела на парапет и смотрела на сплошной ряд домов, который прорезали щели-улицы. Достала бумагу и карандаши, закрыла глаза. Зазмеились черно-белые проходы между буханками хлеба, в них проплывали разноцветные рыбешки. Сверху – волнение воды и солнце.

Через несколько минут, очнувшись, я поняла, что забыла намазаться солнцезащитным кремом – плечи неприятно жгло, надеть шляпу я тоже забыла. Вернулась прежним путем домой.

Была уже половина второго. Я пригладила хвост, потом все-таки распустила волосы, поправила платье, взяла рюкзак и снова вышла на улицу.

⁹ Общая для некоторых жарких стран традиция обязательно отдыхать или спать в послеобеденное время.

Глава 3, в которой Нина встречает друзей детства

Мой путь лежал на автобусную станцию, от которой ровно в два отправлялся автобус с надписью «Siracusa – Aeroporto di Catania Fontanarossa»¹⁰. Через час мы въехали в пыльный промышленный пригород Катании и через несколько минут остановились перед входом в аэропорт.

Едва я успела войти и отыскать зал прилета, как из раздвижных дверей выбежали близнецы.

– Нинок! – завопила Настя так, что люди шарахнулись от нас в стороны. Близнецы подбежали и повисли на мне. Вернее, повисла Настя. Мельком взглянув на Ваню, я вспомнила поцелуй и разговор через звуконепроницаемое стекло и почувствовала «С» – стыд. Они оба выросли за год и стали выше меня на полголовы. Кроме этого, Ваня не изменился, а Настя похудела, сделала короткую стрижку и стала похожа на мальчика.

Мы каждый день болтали по скайпу и в чатах, но ни то, ни другое не передавало того, как Настя быстро двигается, как смотрит вокруг, чуть прищурясь и задирая подбородок. И как Ваня сутулится и потирает переносицу. Друзья, с которыми я ходила на один горшок в детском саду. Бледные, с веснушками, совершенно друг на друга не похожие. Я не могла им ничего сказать, только улыбалась, а где-то в животе и груди вертелись огромные «Сч» – счастье и «Ра» – радость.

– Ничего себе, ты в платье! – они рассматривали рисунок на ткани, задирая подол. Я безуспешно пыталась вырваться. Потом они потрогали мои волосы, которые теперь были по плечи и выгорели на солнце – стали из мышино-серых светло-русыми. За год (а раньше мы не разлучались больше чем на пару недель) я отвыкла, что мы друг друга постоянно трогали. Ощущения были необычными.

Мы выпили по капучино с круассаном (12,50 евро) и сели в автобус с надписью «Aeroporto di Catania Fontanarossa – Siracusa Centro». Мы проезжали мимо привычных мне пейзажей, но близнецы видели их впервые. Цветущие олеандры, трубы нефтеперерабатывающего завода, курящаяся дымком Этна, петляющее между гор скоростное шоссе, иногда переходящее в туннели, виноградники, домики с черепичными крышами. Они вертели головами и фотографировали все подряд, не слушая меня, что все это они увидят еще двести раз.

– Серьезно?! Уехали?! Вот это да! Вот это понимающие родители! – восклицала Настя и тут же отвлекалась: – А где тут тусоваться? А что вы едите? А что это за цветы?

Ваня улыбался и молчал, смотрел в окно. Он сидел позади нас, поэтому неловкость, возникшая в аэропорту, как-то затерлась, отложились до приезда в Сиракузы. В Сиракузах я, стесняясь, повела их в Старый город, но Ортиджия привела их в восторг: даже до сих пор молчавший Ваня издал несколько охов и ахов. Мы вошли в нашу квартирку, где они восхитились старинным буфетом, продавленным диваном и душем без шторки.

– Складывайте вещи в мой шкаф, он почти пустой, – сказала я. Они поставили в него чемоданчики. Потом залипли, разглядывая соседей в открытом окне. Те, в свою очередь, разглядывали близнецов и возбужденно болтали. Я до сих пор не понимала итальянскую речь. Моих знаний хватало, чтобы читать вывески, ценники в магазинах и делать заказ в кафе.

Близнецы продолжали бродить по комнаткам кругами, все рассматривать и трогать. Я понимала их и пока оставила в покое. Когда мы приехали, мне тоже хотелось бесконечно все рассматривать и трогать. Конечно, я и раньше бывала в Италии. Но всегда это были туристи-

¹⁰ «Сиракузы – аэропорт Катании Фонтанаросса» (итал.).

ческие поездки, безликие стандартные отели. Настоящая Италия оказалась другой. Маленькие квартирки, гейзерные кофеварки, фигурки Богородицы в углублениях каменных стен, перед ними – выгоревшие или тлеющие свечи, засохшие букетики полевых цветов или фиалок, разморенные кошки, ленивые собаки у супермаркетов. Сицилия, в отличие от Питера, была теплой, близкой, очень живой. Теплота чувствовалась во всем, здесь апатия была невозможна, совершенно невообразима. Из узких улочек прорастали и тянулись к небу олеандры с ярко-красными цветами.

– Пойдем погуляем? – предложила я через полчаса, когда близнецы пошли по квартирке, как по музею, по третьему кругу. – Только надо переодеться, может подняться ветер.

Мы переоделись в джинсы и футболки и вышли на улицу. Солнце уже садилось. Прошли по фешенебельному, «правильному» берегу острова и присели в скверике с гигантскими деревьями, где оглушительно клекотали невидимые в темноте птицы.

– Что это такое? – прокричал Ваня.

– Не знаю, – ответила я, – они тут всегда галдят. Осторожно, не наступите, – я отвела их в сторону от белых пятен на каменном тротуаре.

– Так что вы делаете вечером? Куда тут сходить? – Насте хотелось чего-то потрясающего, но мне было стыдно признаваться, что вечерами мы тупим в ноутбуки. Поэтому я, вспомнив мамины слова, повела их в Греческий театр. С заходом в местную джелатерию¹¹ за мороженым путь до него занял час. Издалека стало понятно, что в театре сегодня дают представление. Свет от прожекторов пробивался сквозь деревья и бил в небо, над театром стояло желтое зарево.

У входа была толпа, плакали рамки металлоискателей. Карабинеры¹², а их было множество, всем видом показывали, кто тут главный.

Афиши, развешенные по периметру высокой ограды театра, кричали: «Zero enigmatico», «Zero misterioso», «Spettacolo unico!»¹³ Я растерянно замерла. На них был мужчина, одетый в толстовку. Капюшон, черные кудри на лбу. Он был снят с разных ракурсов: вполборота, нависая сверху, в фас (свет падает сверху) и профиль. Я подошла ближе к «Zero enigmatico» – той, с которой Зеро смотрел на меня в анфас. Складки у губ. Карие глаза смотрят внимательно, но отрешенно, будто мыслями Зеро где-то далеко.

– Нина, очнись! – тормозили меня близнецы.

– На папу похож, – сказала я, показывая пальцем в афишу.

Они посмотрели секунду и одинаково нахмурились:

– Совсем нет, ты чего?

Я подошла к следующей афише. На ней большими буквами было написано: «L'ammissione è gratuita»¹⁴. Значение этой фразы я знала очень хорошо.

– Ого-о-о! Вход бесплатный! Вот у вас кайф! – Настя надела рюкзак на обе лямки и направилась в сторону очереди к металлоискателям.

Мы с Ваней переглянулись, пожали плечами и пошли за ней.

Внутри было яблоку негде упасть. Изрытые временем и солнцем ступени театра были полностью закрыты накладными деревянными сидениями. Сцена была затянута черной материей такого глубокого цвета, что не поймешь, близко она или далеко. Мы сели на самом верху.

Пока заходили остальные зрители, я загуглила с телефона имя Зеро, и Википедия сообщила, что Зеро – современный иллюзионист, выступает в Европе. Часто показывает магию прохожим на улице, хотя некоторые подозревают, что его магия – умело сделанные спецэффекты, а «случайные прохожие» – всего-навсего актеры. Никогда не дает интервью. Никто не

¹¹ Лоток с мороженым, от итальянского слова «gelato» («мороженое»).

¹² Название отрядов национальной военной полиции в Италии.

¹³ «Загадочный Зеро», «Таинственный Зеро», «Уникальное шоу!» (итал.).

¹⁴ «Вход бесплатный» (итал.).

знает его настоящего имени. Остальные результаты поиска были с громкими заголовками, но размещены на порталах небольших городов Италии, Франции, Англии и в безымянных блогах: «Магия или иллюзия? Зеро представляет новый номер с левитацией», «Зеро даст благотворительное представление в Тулоне», «Зеро прогулялся по потолку Музея истории», «Женщина исчезает на глазах у зрителей». Судя по всему, Зеро был обычным фокусником – я вздохнула, думая, что мы проведем пару скучных часов, глядя, как распиливают женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.